

Недостаток знаний наиболее общих закономерностей и тенденций взаимодействия в системе «индивид – общество», «власть – преступление», «преступник – социальная среда», «преступное поведение – социальное действие» диктуют сегодня необходимость социально-философского анализа этих феноменов.

Список использованных источников

1. Аристотель. Политика / Аристотель. – Москва, 1911.
2. Гоббс Т. Избранные сочинения / Т.Гоббс. – Москва, 1926.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э.Дюркгейм. – Москва, 1994.
4. Камю А. Посторонний / А.Камю. – Москва, 1997.
5. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство / Ч.Ломброзо. – Ростов н/Д., 1997.
6. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н.Макиавелли. – Санкт-Петербург, 1869.
7. Маркиз де Сад и XX век. – Москва, 1992.
8. Платон. Законы. Полн. собр.соч. в 15 томах / Платон. – Петербург, 1923. Т.8.
9. Сочинение Блаженного Августина: «О граде Божьем». – Харьков, 1891
10. Шопенгауэр, А. Собр. соч. / А.Шопенгауэр. – Москва, 1992. Т.1.
11. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / З.Фрейд. – Москва, 1989.
12. Фуко М. Надзирать и наказывать / М.Фуко. – Москва, 1999.

УДК 13.2:8

**ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Е. А. Шерашенкова

Смоленский филиал НОУ ВПО «Академия права и управления (институт)»,

г. Смоленск, Российская Федерация

Среди многообразных концепций, объясняющих генезис и сущность языка, наибольшее распространение получили конвенциональная и онтологическая. Анализируя первую, Д. Дэвидсон пришел к выводу о том, что «конвенция не является условием существования языка. Поэтому я считаю, – писал он, – что философы, рассматривающие конвенцию как необходимый элемент языка, ставят все с ног на голову: на самом деле язык есть условие для выработки конвенций» [1, с. 233]. Автор полностью согласен с приведенной точкой зрения и в своем исследовании он будет опираться на онтологическую концепцию, в рамках которой считается, что слово и обозначаемый им объект находится в неразрывном единстве, а, следовательно, неправильное употребление слов может привести к «болезни» и последующему исчезновению этих объектов.

В настоящее время во многих российских вузах изучается такой предмет как «Культура речи». Очевидно, что в данном случае под культурой понимается не процесс и не результат изменения (то есть окультуривания) человеком окружающей его природной действительности, а некий способ, совокупность наиболее эффективных приемов, позволяющих достигнуть высокого уровня взаимопонимания между людьми в процессе их языкового общения. Конечно, слово «культура», понимаемое как орудие, способ изменения исходной данности, применяется и по отношению к чисто природным объектам. Именно в этом смысле говорят о сельскохозяйственной, строительной и промышленной культурах. Однако языковая культура, по крайней мере, в двух отношениях радикальным образом отличается от них.

Во-первых, каждый человек, в процессе языкового общения одновременно является и субъектом, и объектом окультуривания. В этой своей бинарной сущности он не только присваивает других людей, но одновременно и присваивается ими. Неживая природа, в силу своей пассивности, может выступать лишь в качестве субъекта присвоения. Животные также ничем не обладают, они лишь оказываются «погруженными» в окружающую их внешнюю среду. Для человека же существовать в этом мире – означает обладать им. Причем обладание это носит принципиально языковой характер. Достаточно вспомнить, что, согласно Библии, человек получает от Бога власть над другими живыми земными существами после того как наделяет каждого из них именем. Более того, у многих народов существуют мифы о том, что для получения власти над другими людьми человеку вовсе не обязательно наделять их именами, Достаточно лишь знать уже существующие подлинные имена. С

другой стороны, власть над миром не распространяется на сам язык, так как не человек владеет языком, а именно язык владеет человеком, в первую очередь путем детерминации его мышления. Так, например, хорошо известно, что утрата какими-то народами своего родного языка (а, соответственно, и переход в общении на другой) со временем приводит к коренным изменениям в их мышлении.

А, во-вторых, слова являются не только средством, или внешним герменевтическим фоном общения, но в первую очередь они представляют собой онтологическую основу всякого коммуникативного процесса. Дело в том, что любое общение требует наличия изначального доверия к языку. Однако люди прекрасно знают все несовершенство и лживость человеческих слов. Вот почему доверять они могут лишь языку в целом. На наш взгляд, это доверие базируется на некоем, почти неосознанном ощущении того, что за всеми несовершенными человеческими словами стоит вечное и неизменное Слово, Которое, как сказано в Евангелие от Иоанна есть Бог. Именно этому слову мы можем доверять. Большинству людей приходилось испытывать то состояние, при котором не они говорят, а Само животворящее Слово говорит в них. Многие великие писатели и поэты могли слышать Это Слово явным образом. Достаточно вспомнить стихотворение А.С. Пушкина «Пророк», чтобы понять каким образом реализуется онтологическое вочеловечение Слова.

Отметим, что человек как объект языкового присвоения существенным образом отличается в данном качестве от природы. Дело в том, что последняя не может вступать в коммуникативную отношения с людьми, а человек же, напротив, может находиться в диалогической взаимосвязи не только с другими людьми, но и с самим, присвоившим его языком. Конечно, в этом случае речь идет не о диалоге равных.

Измененная человеком природа может в дальнейшем существовать только лишь при условии включения ее в процесс человеческой жизнедеятельности. Построенный и обжитый людьми дом очень быстро приходит в запустение, если хозяева покинут его. Точно также и народы, присвоенные каким-то языком, после отпадения от них объекта присвоения, исчезают в качестве именно данных народов. Более того, существует взаимосвязь между физической гибелью народов (причем гибель происходит не в результате внешнего воздействия на них) и ослаблением феноменологического проявления их языковой зависимости. Так, например, исчезновение некоторых индейских племен Южной Америки можно объяснить катастрофическим изменением их поведенческого менталитета. Они психологически не хотели жить и были готовы умирать. Именно данная социальная абулия и нашла свое выражение в их языке. «Сама способность говорить, – отмечал немецкий философ Ф.В.Й. Шеллинг, – кажется, близка у них к тому, чтобы исчерпаться и затухнуть. Их голоса, не сильные, не звучные, раздаются тихо; они никогда не кричат – не кричат даже тогда, когда их убивают. Разговаривая, они еле шевелят губами и не привлекают внимания к речи движением глаз. К этому безразличию добавляется еще и нежелание говорить: если им нужен человек, который идет за сто шагов от них, они никогда не окликнут его, им легче догнать его» [2, с. 255].

Принадлежность человека как субъекта языковой культуры к какому-то конкретному языку позволяет ему мультиплицировать свое феноменологическое я в других людях, принадлежащих к этому языку. Однако в данном случае правомерно утверждать, что не сам человек умножает это я с помощью слов, а, в первую очередь, именно Слово осуществляет данный процесс. Следовательно, в свете вышесказанного, широко распространенная идея о том, что критерием языковой культуры является знание норм языка и умелое их практическое применение, является ошибочной. На наш взгляд, в качестве данного критерия должно выступать умение таким образом включить свое феноменологическое я в язык, чтобы оно в процессе речевого взаимодействия было бы адекватно мультиплицировано в других субъектах коммуникативного взаимодействия.

Список использованных источников

1. Дэвидсон, Д. Общение и конвенциональность// *Философия. Логика. Язык.* – М., 1987. – С. 213 – 233.
2. Шеллинг, Ф. В. Й. Введение в философию мифологии// Шеллинг, Ф. В. Й. *Сочинения в двух томах.* – Т. 2. – М., 1989. – С.159 – 374.